

УДК 316.343-054.62(571.5)"17/18"

Комлева Евгения Владиславовна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории СО РАН (г. Новосибирск),
feodal@history.nsc.ru

Социально-экономическое развитие Туруханского края в конце XVIII – первой половине XIX в. *

Аннотация: В статье на основе литературы и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов рассмотрено социально-экономическое развитие Туруханского края в конце XVIII – первой половине XIX в. Представлен краткий историографический обзор по заявленной теме, приведена характеристика социального и этнического состава населения, условий жизни русских поселенцев. Выявлены стоявшие перед регионом в течение рассматриваемого периода проблемы, связанные с негативными демографическими тенденциями, истреблением пушного зверя, необходимостью снабжения населения продовольствием. Проанализированы предпринимавшиеся государством меры по освоению края. Рассмотрены попытки организовать переселение в эти места крестьян из расположенных южнее районов. Уделено внимание таким вопросам, как борьба с эпидемиями, учреждение школ для детей коренных северных народов, организация казенных поставок хлеба. Освещена деятельность купечества по обеспечению продуктами питания и промышленными товарами населения этих суровых северных мест. Рассмотрен уникальный проект енисейского купца А.А. Кобычева по аренде Туруханского края. Сделан вывод, что в течение рассматриваемого периода попытки государства разрешить наиболее актуальные задачи по освоению региона носили лишь эпизодический, во многом противоречивый характер, четкого же долгосрочного плана по его развитию не существовало. К инициативе частных лиц власти относились с недоверием и отказывались от тесного сотрудничества, видимо, опасаясь возможных негативных последствий для местного населения, а также нанесения урона казенным интересам. В результате к середине XIX в. сколько-нибудь заметных сдвигов в решении насущных задач по развитию края не было достигнуто.

Ключевые слова: Туруханский край, колонизация, население, быт, государство, частный капитал.

* Работа выполнена в рамках проекта № 44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации».

История обширного Туруханского края – один из примеров того, как шло освоение русскими Крайнего Севера Азии. Огромные пространства с низкой плотностью населения, отсутствие надежных путей сообщения, необходимость исследования геологии и географии региона, сложности, связанные со снабжением населения продуктами питания и с организацией системы управления – все эти проблемы требовали решения. В данной публикации рассмотрено социально-экономическое развитие Туруханского края, вклад государства и частных лиц в его колонизацию в течение конца XVIII в. – первой половины XIX в. – период, который можно назвать кризисным во многих отношениях, когда в различных сферах жизни региона наблюдались деструктивные явления.

Работ, освещающих развитие Туруханского края в дореформенное время, немного. Большинство исследователей привлекал более ранний период, связанный со знаменитой предшественницей Туруханска – «златокопящей» Мангазеей. О самом Туруханске и его окрестностях XVIII в. можно найти некоторые сведения, преимущественно статистического характера, в трудах выдающихся ученых – участников Второй Камчатской экспедиции И.Г. Гмелина [1] и Г.Ф. Миллера [2, 3], различных историко-топографических и статистических описаниях [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11] и Словарях [12, 13, 14], издававшихся на рубеже XVIII–XIX вв. Кроме того, в 1780-х гг. были подготовлены две работы, в центре внимания которых находился Туруханск: «Описание города Мангазеи с его уездом» [15] и «Описание географическое о городе Туруханске с уездом» М. Богдановича¹. Со второй четверти XIX в. уже регулярно начинают появляться подробные исследования, посвященные как непосредственно интересующему нас региону (работы Я. Яроцкого [16], А.А. Мордвинова [17], Н.А. Кострова [18], Ф.П. Шаховского², М.Ф. Кривошапкина [19], П.И. Третьякова [20], Н.В. Латкина [21], А.И. Кытманова [22], В.М. Крутовского [23], первого Енисейского и Красноярского епископа Никодима [24]), так и Енисейской губернии, в которую он вошел в 1822 г. (публикации М. Кохригина [25], А.П. Степанова [26], И. Пестова [27], И. Скороговорова [28], Н.В. Латкина [29], С.Л. Чудновского [30]). Упомянуты Туруханск и в обобщающих трудах по истории Сибири [31, 32, 33, 34, 35, 36], а также в справочниках о городах России [37, 38, 39, 40, 41], публиковавшихся во второй половине XIX – начале XX в. В конце XIX – начале XX в. внимание к енисейскому северу возросло в связи с началом эксплуатации Северного морского пути – тогда в свет вышли работы известных исследователей А.Е. Норденшельда [42], Ф. Нансена [43], енисейского купца С.В. Востротина [44], позже – норвежского консула Й. Лида [45, 46]. В 1917 г. вышла биография красноярского купца М.К. Сидорова, потратившего много сил и средств на освоение Туруханского края, популяризацию его природных богатств и жизни местного населения

¹ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 213. Л. 1–42.

² ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 47. Л. 7–15.

[47]. В советское время региону уделяли внимание Н.К. Ауэрбах [47], С.В. Бахрушин [49], В.Н. Скалон [50], В.А. Александров [51, 52], П.Н. Павлов [53], А.Н. Копылов [54], О.Н. Вилков [55], В.И. Кочедамов [56], Г.Ф. Быконя [57], Д.Я. Резун [58], однако в центре внимания по-прежнему оставался, по преимуществу, более ранний период. В последние годы было опубликовано несколько юбилейных альбомов, посвященных краю [59, 60], монография о туруханском Троицком монастыре, игравшем важную роль в колонизации низовьев Енисея [61]. Изучением миссионерской деятельности Русской Православной Церкви на территории края в XVIII–XIX вв. занимается современный исследователь Е.В. Выдрин [62]. История Туруханска и Туруханского края нашла отражение и в ряде научно-справочных изданий рубежа XX–XXI вв. [63, 64, 65, 66, 67, 68, 69]. Однако состояние региона в конце XVIII – первой половине XIX в. по-прежнему остается слабо изученным. Находящиеся в фонде Туруханского отдельного управления Государственного архива Красноярского края документы позволяют в значительной степени детализировать протекавшие в то время процессы на этой обширной северной территории.

В 1785 г. Туруханский край был выделен в уезд в составе Тобольского наместничества, в 1804 г. вошел в Томскую губернию. В 1822 г. Туруханский уезд был упразднен, а в 1827 г. присоединен к Енисейскому округу на правах особого отделения во главе с приставом [66, 67]. В 1830-х гг. из 720 400 кв. верст, составлявших территорию Туруханского края, лишь очень небольшую часть занимали различные населенные пункты¹. Кроме единственного населенного пункта, имевшего статус города, в Туруханском уезде в начале XIX в. насчитывалось 18 «иностранческих» поселений, а также несколько десятков русских зимовий, состоявших из 1–2 домов. В 1830-х гг. в крае находилось 520 «домов жилых и отъезжих зимовий»². К наиболее крупным поселениям, помимо Туруханска, относились села Верхнеинбатское, Дудинское (Дудинка, Дудино), Монастырское, Толстый Нос, Хатангское (Хантайское).

Население края состояло преимущественно из аборигенных народов – тунгусов (эвенков), остяков (кетов), самоедов (энцев), юкагиров и якутов и лишь незначительная часть приходилась на русских поселенцев. В 1830-х гг. в регионе насчитывалось 27 «ясашных родовых управ», объединявших 3509 мужчин и 3150 женщин, из которых 1470 и 1280, соответственно, были язычниками «шаманского идолопоклонения», остальные же исповедовали христианство³. Что касается русского населения, то в конце XVIII в. от Туруханска верх по Енисею проживало 88, вниз по Енисею – 97, вверх по Турухану – 10, «за тундрой» – 48 государственных крестьян (муж. пола); в самом Туруханске числилось 498 чел. муж. пола, относившихся к податным

¹ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 5.

² ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 7.

³ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 4, 7–7 об.

городским сословиям, а также 50 крестьян¹. В 1830-х гг. русские поселенцы по социальному составу распределялись следующим образом: духовенство (8 чел. муж. пола), дворяне и чиновники (9 чел. муж. пола и 7 чел. жен. пола), мещане (100 и 80), городовые казаки (96 и 77), государственные и экономические крестьяне (675 и 574), ссыльные (302 и 199)².

Русские поселенцы добывали пропитание рыбным и звериным промыслами, а на вырученные деньги закупали «хлеб и прочие надобности» [10, с. 297]. Бытовые условия резко отличались в худшую сторону от более южных районов даже в самом значительном населенном пункте края – Туруханске, беспорядочная застройка которого (в начале XIX в. в городе не было ни одной прямой улицы [14, с. 495]) указывала на то, что «жители его не вдруг селились» [8, с. 59]. В 1780-х гг. в городе находилось «церквей каменных одна и деревянная одна ж, казенных строений деревянных: присутственные места, денежная кладовая, соляной, провиантский и винный магазины, питейных домов два, партикулярных домов деревянных сто»³. Топкие окружавшие город болота, образуемые Енисеем и Туруханом [40, с. 281], «хилые мосточки», «черные избы» [14, с. 495] – все это делало Туруханск не слишком привлекательным для жизни. Современники характеризовали его как «место гнилое и нездоровое» [19, с. 308]. Г.Ф. Быконя отмечает, что для Туруханска в XVIII в. была характерна сезонная миграция горожан (зимой мужчины уходили на промысел зверя, летом – за рыбой и дикими гусями) и периодические наплывы временного населения (во время летней ярмарки) [57, с. 238].

Число частных домов в первой половине XIX в. постепенно сокращалось, что особенно резко проявилось после переведения города в разряд заштатного 18 апреля 1823 г., когда, по словам П.И. Третьякова, «как бы закрылись все жизненные его силы: строения начали разрушаться, народонаселение от разных причин умалилось и среди его появилась бедность; торговая деятельность почти прекратилась» [20, с. 144–145]. В начале 1840-х гг. в Туруханске насчитывалось уже не около 100, как в начале XIX в., а лишь 85 жилых строений [37, с. 453–454]. Причем, кроме 8 или 9 порядочных домов все остальные были «жалкие лачужки, разбросанные как попало и торчащие летом среди навоза и всевозможной нечистоты, а зимою чернеющие из-под сугробов снега. Несмотря на прорытие через город канав, летом здесь постоянная грязь, а мостки во многих местах до того обветшали, что человек идет по ним как по клавишам» [20, с. 145–146]. Очевидцы также сообщали, что в Туруханске «в жару пересыхают потоки, окружающие город, и за водой надобно ездить версты за 4. Зимою, в начале ноября, Туруханск покрыт уже такими сугробами снега, что нельзя переходить из дома в дом иначе, как по вехам, да и между ними почти ежедневно разгребают снег... кроме вреда

¹ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 252. Л. 73 об. – 74.

² ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 3 об. – 4 об., 11–11 об.

³ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 252. Л. 73 об.

здоровью всех, затруднения от недостатка летом воды туземцам и от невозможности пристать к городу торговым судам для явки властям, ничего другого местность эта не представляет» [19, с. 308].

По сохранившимся документам видно, насколько скудно в материальном отношении жили туруханцы. В отчете о состоянии Туруханского отделения за 1832 г. сообщалось, что на всех жителей региона (русских и инородцев) приходилось 100 голов «разного скота», в том числе 40 коров и 60 лошадей¹ (олени не учитывались). А вот как описывалось наиболее ценное имущество рядовых жителей: в 1822 г. туруханский городской казак Василий Мельков владел «небольшой покрытой» избой стоимостью 10 р., хлевом «с оградой» (5 р.); ему также принадлежало 20 бревен «круглого лесу в длину 7 ар[шин], в отрубе 4 вер[шков]» (общей стоимостью 2,5 р.)². Имущество другого казака – Андрея Томилова оценивалось в 42 р. 50 к. и включало «складни медные годовым праздникам» (1 р.), образ Николая Чудотворца «обширный» (1 р.), икону «4-х мучеников Василия, Евгения и прочих» (0,5 р.), холодную крытую горницу «с небольшими сеньми» (10 р.), амбар, баню и двор «вообще нераздельное» (20 р.), корову «шерстью белую» (10 р.)³. Немного побогаче был туруханский мещанин Василий Скорняков, которому в 1823 г. принадлежал «дом деревянной с флигелем и принадлежащими к нему службами, в нем окончин со стеклами летними и зимними рамами 13, во флигеле 3». О внутреннем убранстве жилых помещений туруханцев можно судить по сохранившемуся перечню мебели в доме В. Скорнякова: 7 «стульев под голубой краской», 3 «стола под красной краской», 2 «софы, при них две подушки пуховые, наволочки тиковые, два покрывала бухарски», «комод о трех ящиках без замков под красной краской», «зеркало небольшое в деревянной рамке», «шкаф с тремя ящиками со стеклочатыми дверками под красной краской», «полусундучье плоское под зеленою краской оковано железом»⁴.

Суровый климат и тяжелые условия жизни в течение рассматриваемого периода усугублялись также экологическим кризисом – резким сокращением поголовья пушного зверя. Уже к XVIII в. нещадное истребление соболя и отсутствие каких-либо природоохранных мер привело к уменьшению добычи пушнины, однако еще в 1810-х гг. в крае добывалось от 6 до 9 тыс. соболей в год, а горожане неоднократно наталкивались на ценных зверьков во дворах и били их палками. Но с конца 1810-х гг. соболь начал исчезать и в 1860-х гг. во всем Туруханском крае его добывалось лишь около 250 штук в год [21, с. 271–272].

Сокращение добычи пушнины, от которой в значительной степени зависело благосостояние как русского населения, так и коренных северных народов, наряду с «отрывом местного населения от основных экономических

¹ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 11 об.

² ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

³ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 36. Л. 4 – 4 об.

⁴ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 75. Л. 2–2 об.

путей», сильнейшими эпидемиями оспы и упадком «снабжения населения, без чего русская оседлость там была немыслима» [51, с. 76], привели к тому, что в XIX в. происходит «запустение» енисейского севера. В.А. Александров указывает на последний фактор, как на имевший решающее значение для общего упадка региона – по его мнению, после ликвидации монастырского хозяйства в 1764 г. «не нашлось другой экономической силы, способной организовать снабжение русского населения», что «повлияло на постепенное запустение промысловых зимовий» [51, с. 77]. Особенно резко негативные демографические тенденции в развитии региона проявились с 1830-х гг. Если в конце XVIII в. там проживало 3560 чел. муж. пола (в том числе 3267 ясачных)¹, а в 1832 г. – 3971 чел. муж. пола (3509 ясачных)², то в 1850 г. всех жителей насчитывалось уже лишь 2669 чел. муж. пола [71].

Аналогичная ситуация наблюдалась и в административном центре края – Туруханске, который во второй четверти XIX в. был единственным городом образованной в 1822 г. Енисейской губернии, где происходил не рост, а, напротив, сокращение численности горожан: с 1764 г. по 1863 г. население города уменьшилось примерно в 2 раза (в 1760-х гг. в Туруханске проживало около 500 чел. (250 душ муж. пола) [57, с. 236], в 1801 г. – 448³, в 1831 г. – 365 [26, с. 172], в 1843 г. – 382 [37, с. 453–454], в 1863 г. – 248 чел. [72, с. 107]). В середине 1820-х гг. по численности населения Туруханск занимал 631-е место из 647 российских городов⁴. Некоторые современники видели причину упадка Туруханска в его конкуренции с находившимися в более выгодных условиях южными городами – в частности, развитием городской жизни в Енисейске и Красноярске [39, с. 228–230]. Однако по темпам развития Туруханск уступал не только соседям по губернии, но и прочим северным, а также заштатным сибирским городам. Например, в уездном, а затем окружном центре Тобольской губернии Березове в конце XVIII в. насчитывалось 164 дома, 13 торг. лавок, 7 амбаров, 6 церквей, а в 1840-х гг. в нем проживало около 1,2 тыс. чел. [73]. Переведенный, как и Туруханск, в разряд заштатного, Нарым продолжал оставаться довольно значительным торговым пунктом Томской губернии: в нем продолжала функционировать ярмарка, а в середине XIX в. проживало 914 чел. об. пола, в том числе 28 купцов с семьями [74].

Бедственное положение, в котором оказался Туруханский край к середине XIX в., не могло остаться незаметным как для местных властей, так и для простых обывателей. Современники отмечали, что «за 30 лет пред сим край этот, будучи многолюднее, представлял и промышленность обильнее, но в продолжение времени, уменьшаясь в числе жителей, дошел, наконец, до того затруднительного состояния, в каком находится ныне» [71].

¹ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 252. Л. 73 об. – 74.

² ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 7 об.

³ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 252. Л. 73 об.

⁴ РГИА. Ф. 1238. Оп. 25. Д. 85а. Л. 315–320 об.

Несмотря на отсутствие в течение рассматриваемого периода долговременной государственной стратегии по комплексному развитию северо-востока страны, правительство, тем не менее, периодически предпринимало шаги к оживлению жизни в труднодоступных районах – в первую очередь это относилось к важным в стратегическом отношении землям, а также к притрактовым территориям. Туруханскому краю, расположенному на севере центральной части Сибири с этой точки зрения не придавалось большого значения, однако для успешного освоения и прочного включения региона в состав Российского государства требовались определенные меры по его колонизации. Одной из них стала попытка организовать принудительное заселение низовьев Енисея, причем для закрепления русского населения на севере и решения вопроса о его снабжении предполагалось завести в низовьях Енисея хлебопашество. В частности, В.А. Вагин сообщал, что в 1811 г. в Туруханском уезде были разрешены поселения «с пособиями от правительства» [69, с. 330]. В литературе упоминается также эпизод, когда в 1812 г. по решению Государственного Совета в Туруханский край на двух больших судах и двух барках «приплавлен был народ», по большей части из Боготольского и Краснояреченского заводов. В предложенных к заселению пунктах оставляли по несколько семей, оставляя им хлеб, корову и лошадь. При этом насильно женили неженатых, что вызвало многочисленные конфликты между мужьями и женами и ни к каким решительным сдвигам не привело [75, с. 119]. Подобные меры принимались и в последующее время – о попытках завести хлебопашество упоминает В.М. Крутовский [23]. Чтобы помочь поселенцам закрепиться на новом месте, им предоставлялись льготы по исполнению рекрутской повинности и платежу налогов: в 1782 г. вышел указ о замене для туруханцев рекрутского набора денежным взносом по 120 р. за каждого рекрута [69, с. 288], в 1822 г. «русские обыватели» ряда северных уездов, и в том числе Туруханского, были освобождены «от исправления рекрутской повинности как натурой, так и деньгами», в 1823 г. – от платежа податей [35, с. 271, 275].

Современники признавали, что без усилий правительства, без привлечения ресурсов административного аппарата, прогресс в заселении региона едва ли был возможен. Наряду с этим, некоторые из них считали неправильным стремиться к насаждению в северных районах с суровым климатом земледелия. Например, автор очерка о Туруханском крае декабрист Ф.П. Шаховской, отбывавший ссылку в Туруханске во второй половине 1820-х гг., считал, что, поскольку «поселенцы сего края имеют для существования своего один промысел рыбной ловли», то «для отвращения нищеты и бедности, лучше бы было присылать на жительство в Туруханский округ таких людей, которые в первом своем состоянии жили на реках и промыслили рыбою»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 47. Л. 14.

Еще одной мерой по улучшению ситуации в Туруханском крае стала развернувшаяся в течение рассматриваемого периода борьба с эпидемиями. Помимо оспы, особенно свирепствовавшей среди ясачного населения региона, в самом Туруханске служащие расположенного там гарнизона в начале XIX в. болели цингой [24, с. 56]. Важным шагом, позволившим снизить уровень смертности, стало введение оспопрививания, включение в штат Туруханского управления «старшего лекарского» и «оспенного» учеников¹.

Правительство брало на себя также содержание и обучение грамоте «ясачных сирот» Туруханского края – в 1805 г. был принят указ о воспитании их при Свято-Троицком монастыре [35, с. 201, 223], где еще со времен Петра I действовало «училище для детей инородцев» [61, с. 76].

Одна из главных проблем, стоявших перед регионом в течение рассматриваемого периода, заключалась в необходимости организации снабжения местного населения продовольствием. Особенно остро это чувствовалось в голодные годы. По словам очевидцев, с 1810 г. в Туруханском уезде начался сильный голод, продолжавшийся несколько лет, причем среди аборигенных народов отмечались даже случаи людоедства, а «тела умерших с голоду русских валялись без погребения около самого Туруханска» [69, с. 336–337]. Страшные рассказы о голодающих тунгусах и злоупотреблениях местных чиновников передавались тогда по всей Сибири [70, с. 233]. Голод, сопровождавшийся людоедством, был отмечен и в 1832 г. [69, с. 394].

Для решения этого вопроса в начале XIX в. была создана целая сеть казенных запасных хлебных магазинов, восполнявших недостаток хлеба, поставки которого не могли обеспечить в нужном количестве представители частного капитала. В середине 1820-х гг. в действовавшие в Туруханском крае магазины поставлялось ежегодно 60 тыс. пуд. хлеба [69, с. 363], из которых около 800 пуд. отправлялись в находившиеся за Дудинкой «затундренные места» «для продовольствия тамо обитающих и кочующих народов» (на частные поставки туда приходилось около 2 тыс. пуд.)². В 1830-х гг. на территории края работали 34 запасных хлебных магазина, помимо которых казенный провиант размещался также на 15 судах «с хлебом и съестными припасами», 8 барках и 4 лодках «с хлебом»³.

Помимо казны, на территории края активно действовали и представители частного капитала. Н.В. Латкин отмечал, что «торговля в Туруханске в XVII и на всем протяжении XVIII столетия была в цветущем состоянии» [21, с. 104]. Г.Ф. Миллер писал, что в Туруханске «покупается одна только мягкая рухлядь», а «привозятся туда русские и китайские товары». Он же указывал, что Туруханск «в рассуждении купечества между мелкими сибирскими городами есть не последний» [3, с. 229].

¹ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 3 об.

² ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 74. Л. 16.

³ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 7.

С конца XVII в., когда «русские купцы начали являться на Енисей не чрез Мангазею, а по открытому ими новому пути, через Вах на Елотуй», что «не мало способствовало оживлению Туруханска» [20, с. 141–142], в городе действовала ежегодная летняя ярмарка, открывавшаяся 29 июня (день Св. Петра и Павла по ст. стилю) и продолжавшаяся две недели. В XVIII в. туруханский торг собирал не только енисейских, но и иркутских и даже московских и архангельских купцов – всего съезжалось до 500 человек, а торговый оборот ярмарки составлял 20–30 тыс. р. Приезжие меняли пушнину на продукты сельского хозяйства и промышленные изделия. Кроме пушнины с ярмарки вывозили еще и мамонтовую кость, красную рыбу, пух диких гусей [75, с. 116–118]. Одновременно с Туруханской ярмаркой в 25 верстах от города, на Енисейской протоке, устраивалась другая, пушная ярмарка, где собиралось до 200 тунгусских и остяцких лодок с пушниной [20, с. 144]. По словам Г.Ф. Быкони, ярмарка определяла всю экономическую жизнь русского населения края, а сам Туруханск «в силу ярко выраженной на естественно-географической основе промысловой специализации своего экономического района ... был почти исключительно товарораспределительным центром» [57, с. 238]. Однако с истощением запасов соболя крупные купцы, торговавшие пушниной, стали терять интерес к Туруханскому краю [52, с. 47], и значение Туруханска как важного пушного рынка прекратилось [33, с. 283].

В 1770-х гг. в «Лексиконе» Ф. Полунина указывалось, что Туруханск «торгует не знатно, кроме мягкой рухляди» и что местного купечества с уездом насчитывается 250 чел. [12, с. 173]. Видимо, эта цифра включала не только тех людей, которые объявляли купеческие капиталы по Туруханску, но и иногородних торговцев. В купечестве же самого Туруханска состояло: в 1782 г. – 14 чел. муж. пола¹, в 1796 г. – 11², в 1802 г. – 26³, в 1810 г. – 26 [10, с. 296–297], в 1816 г. – 1⁴ чел. муж. пола. К образованию Енисейской губернии в городе уже не осталось ни одного местного купца⁵. Большинство же из тех, кто объявлял капитал по Туруханску на рубеже XVIII–XIX вв., находилось в зависимости от богатых енисейских купцов [75, с. 120], которым даже в период угасания роли Енисейска как крупного городского центра Сибири удалось сохранить важное место в региональной торговле во многом благодаря почти монопольной эксплуатации богатств Туруханского края [76, с. 87]. В конце 1780-х гг. енисейские купцы летом плавали до Туруханска, где выменивали рыбу на хлеб и мелочные товары [11, с. 222, 236]. В мае 1823 г. из Енисейска в Туруханск выехали 114 торговцев, в том числе енисейский 3-й гильдии купец Алексей Калашников и купецкий сын Константин Дементьев⁶.

¹ РГИА. Ф. 558. Оп. 2. Д. 274. Л. 48 об.–49.

² РГИА. Ф. 558. Оп. 2. Д. 273. Л. 195 об. – 196.

³ РГИА. Ф. 558. Оп. 2. Д. 276. Л. 329 об. – 330.

⁴ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 336. Л. 323.

⁵ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 336. Л. 142–142 об.

⁶ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 66. Л. 1 об. – 11 об.

Кроме этих представителей купечества, в 1820-х гг. в Туруханском крае торговали также П.П. Башуров (ему принадлежал дом в Дудинском урочище)¹ и М.Ф. Хорошев – один из богатейших людей Енисейска в первой половине XIX в.

Еще одним енисейским купцом, проявившем заинтересованность в освоении Туруханского края, был видный предприниматель, член 1-й гильдии Александр Александрович Кобычев. В 1853 г. он даже составил специальный проект по аренде (передаче в его «хозяйственное полное распоряжение») этой территории на 25 лет. Обосновывая свои притязания, А.А. Кобычев высказывал озабоченность по поводу того, что местному начальству приходится тратить большие усилия и средства на развитие края и брался избавить его «от тех затруднений и попечений о крае, какие по означенным обстоятельствам необходимы» и обещал сберечь казне «те суммы, какие по этому случаю употребляются». Автор проекта писал: «Столь велика крайность в настоящее время большей части жителей Туруханского края, так что, если бы даже сложили с них и всю недоимку, они все-таки не могли бы без постороннего пособия, сами собою, поддерживать быт свой». Чтобы выправить положение, требовалось принять ряд мер, «но таковые меры возможны лишь тогда, когда бы весь тамошний край отдан был в хозяйственное распоряжение частному лицу, которое бы действовало в этом случае по ближайшему усмотрению» [71]. Надо сказать, что мнение о том, что центральные власти не вполне компетентны в делах отдаленных районов и зачастую не могут оперативно принимать необходимые решения, было достаточно распространено среди современников. Так, служивший в 1804–1808 гг. томским губернатором В.С. Хвостов отмечал: «Удаленная от центра верховного правительства, Сибирь не может быть в глазах онаго, как только в отдаленном тумане» [77, с. 601].

По мысли А.А. Кобычева, передача ему Туруханского края в «хозяйственное полное распоряжение» предполагала введение его полной монополии на торговлю чем бы то ни было, сбыт пушнины и рыбы, кроме того, в собственность купца должны были отойти «все места, могущие иметь в себе золотосодержащие россыпи или другие какие металлы, руды и минералы». Это сулило большие прибыли – уже в начале 1860-х гг. доверенные лица красноярского купца М.К. Сидорова обнаружили в регионе крупные залежи каменной соли, угля, графита, железных и медных руд [78, с. 261], а в 1866 г. возглавлявший научно-исследовательскую экспедицию по Туруханскому краю И.А. Лопатин видел в Дудинке у местного жителя Сотникова «хорошие образцы каменного угля, медной руды, графита, открытого им в горах близ Норильских озер в 100 вер[стах] к востоку от села Дудинского» [79, с. 6].

Взамен просимых привилегий А.А. Кобычев обязывался выплачивать казне все подати как с русского, так и с ясачного населения согласно 10-й

¹ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 750. Л. 15.

ревизии (1858 г.), «производя расчет в этом с ними уже лично», обеспечить снабжение всех жителей края продовольствием «и прочих для существования их потребностей в таком количестве, какое для них нужно». Для помещения запасов хлебного продовольствия он собирался вступить во владение казенными хлебными запасными магазинами и другими казенными постройками, «не платя за оные казне», а также отпускать ему «по требованию» порох, свинец и соль (за последнюю он соглашался платить «по стоящей казне цене»). Кобычев просил также оставить в его распоряжении находившуюся в Туруханске казачью команду и врача, при этом обязался полностью содержать их за свой счет. Отдельной статьей автор оговаривал, что, «если по распоряжению начальства отряжен будет в Туруханский край для казенной надобности чиновник, то проезд его туда и обратно производиться должен за счет казны». Учитывая непростую демографическую ситуацию в регионе и предполагая возможное продолжение сокращения численности населения, автор проекта оговаривал, что помочь в решении этой проблемы ему должно было государство – «о населении сего края соответственно потребности правительство должно по просьбе моей сделать распоряжение, и такового рода просьбы не должны оставаться без уважения» [71].

Проект А.А. Кобычева не был поддержан – отрицательный ответ был получен уже после смерти автора. В 1860-х гг. другой сибирский купец – уже упоминавшийся М.К. Сидоров – составил проект о заселении севера Сибири, развитии там промышленности и торговли, также оставшийся без последствий [80]. И хотя у представителей власти не было четкого плана действий по освоению региона, они, по всей видимости, опасались предоставлять большие полномочия частным лицам на столь обширной и проблемной территории из-за возможных негативных последствий для местного населения, а также нанесения урона казенным интересам.

Подводя итоги, можно констатировать, что в течение рассматриваемого периода в разных областях жизни Туруханского края наблюдались кризисные явления, которые требовали неотложного вмешательства и обращали на себя внимание как местных властей, так и обывателей. В разное время правительство пыталось предпринять те или иные шаги для колонизации и развития этих мест, однако в силу ряда причин (отсутствие долговременной стратегии освоения края, недооценка его природных ресурсов, нехватка свободных денежных средств) долгое время эти усилия не приносили ощутимых результатов. Наряду с государством интерес к региону проявляли и представители частного капитала, которым нередко приходилось на свой страх и риск браться за многообещающие, но крайне опасные «северные» проекты. Многих из них на этом трудном пути ожидали разочарование и разорение. Однако если действия властей по вовлечению северных территорий носили эпизодический, во многом противоречивый характер, то, как показывает вышеизложенный проект купца А.А. Кобычева, заинтересованные частные лица, напротив, имели четкое представление о тех

мерах, которые следовало предпринять. При этом, проявляя большую заинтересованность к эксплуатации природных богатств края, представители частного капитала понимали, что для успеха задуманного предприятия необходимо объединить усилия с государством, которое обладало необходимыми рычагами, в частности, для организации заселения данной территории. В целом же ни государство, относившееся настороженно к подобным проектам, ни частные лица без объединения взаимных усилий не могли успешно справиться с задачами по хозяйственному освоению края, и многие насущные проблемы к середине XIX в. так и оставались неразрешенными.

Список литературы

1. Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири. СПб., 1751. Т. 2.
2. Миллер Г.Ф. Описание реки Енисея от Енисейска вниз по течению до Мангазеи. 1739 г. // *Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. (История Сибири. Первоисточники. Вып. VI).* Новосибирск, 1996. С. 100–120.
3. Миллер Г.Ф. Известия о торгах сибирских // *Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие.* 1755, сентябрь. С. 196–250.
4. Чеботарев Х.А. Географическое методическое описание Российской империи. М., 1776.
5. Гакман И.Ф. Пространственное землеописание Российского государства, изданное в пользу учащихся. СПб., 1787.
6. Плещеев С.И. Обзорение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии. СПб., 1787.
7. Хвостов В.С. О Томской губернии и о населении Большой Сибирской дороги, до Иркутской границы. СПб., 1809.
8. Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний. СПб., 1810.
9. Зябловский Е.Ф. Новейшая география Российской империи. М., 1814. Ч. 3.
10. Баккаревич М.Н. Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб., 1810.
11. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.
12. Полуниин Ф. Географический лексикон Российского государства. М., 1773.
13. Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства. М., 1789. Ч. 5.
14. Щекатов А. Словарь географический Российского государства. М., 1808. Ч. 6.
15. Описание города Мангазеи с его уездом // *Новые ежемесячные сочинения.* СПб., 1788. Ч. 25. С. 87–99.
16. Яроцкий Я. Некоторые замечания о Туруханском крае // *Казанский вестник.* 1826. Ч. 16, кн. 2–3. С. 156–169; кн. 4. С. 257–271.

17. Мордвинов А. Записки о Туруханском крае // Современник. 1860. Т. 84. № XII. С. 373–432.
18. Костров Н. Очерки Туруханского края // Записки Сибирского отдела РГО. Кн. IV. СПб., 1858. С. 61–175.
19. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1.
20. Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871.
21. Латкин Н.В. Туруханский край // Живописная Россия. Т. 12. Ч. 1. Восточная Сибирь. СПб.-М., 1895. С. 95–108.
22. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893: Машинопись. – Енисейский краеведческий музей.
23. Крутовский В.М. Очерки Туруханского края. Попытки хлебопашества в Туруханском крае // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. IX. Тобольск, 1898. С. 53–68.
24. Енисейские епархиальные ведомости. 1908–1909.
25. Кохригин М. Некоторые статистические сведения о Енисейской губернии // Северный архив. СПб., 1828. Ч. 31. № 1. С. 88–116.
26. Степанов А.П. Описание Енисейской губернии. Спб., 1835.
27. Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М., 1833.
28. Скороговоров И. Описание Енисейской губернии // Записки Сибирского отдела РГО. Кн. VIII. Иркутск, 1865. С. 1–72.
29. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892.
30. Чудновский С. Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири (Статистико-публицистические этюды). Томск, 1885.
31. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1.
32. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. Ч. I.
33. Головачев П. Сибирь: природа, люди, жизнь. М., 1902.
34. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.
35. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993.
36. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Серия: История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 2003. Вып. III.
37. Гагарин С.П. Всеобщий географический и статистический словарь. М., 1843. Ч. 3.
38. Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб., 1848.
39. Городские поселения в Российской империи. СПб., 1861. Т. 2.
40. Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 5. СПб., 1885.

41. Туруханский край // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 34 (67). СПб., 1901.
42. Норденшельд А.Е. Экспедиции к устьям Енисея 1875 и 1876 годов. СПб., 1880.
43. Нансен Ф. В страну будущего. СПб., 1915 (Переиздано: Красноярск, 1982).
44. Востротин С.В. Северный морской путь и Челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири // Труды Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. СПб., 1908. Вып. 1.
45. J. Lied. Prospector in Siberia: The Autobiography. New-York, 1945 (русский перевод: Лид Й. Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М., 2009).
46. J. Lied. Siberian Arctic. The Story of the Siberian Company. London, 1960 (Сибирская Арктика. Исследование и развитие Карского морского пути. Лондон, 1960).
47. Жизнь и деятельность М.К. Сидорова. СПб., 1917.
48. Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. Красноярск, 1929.
49. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 1.
50. Скалон В.Н. Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири // Известия Иркутского сельскохозяйственного института, 1960. Вып. 18. С. 301–324.
51. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.
52. Александров В.А. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края // Сибирский этнографический сборник. М-Л., 1961. Т. 2. С. 3–26.
53. Павлов П.Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае в эпоху феодализма (XVII – первая половина XIX в.) // Красноярский край (материалы по географии). Красноярск, 1965. С. 43–61.
54. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965.
55. Вилков О.Н. К истории Енисейска, Илимска и Киренска в XVIII в. // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 196–214.
56. Кочемамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978.
57. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981.
58. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
59. Туруханск – северная вотчина государства Российского. Красноярск, 2004.
60. Край Туруханский. Юбилейное издание, посвященное 400-летию Мангазеи: в 2-х кн. Кн. I. От прошлого к будущему. М., 2007.
61. Игумен Агафангел (Дайнеко). Свято-Троицкий Туруханский монастырь. 350 лет служения. М., 2010.

62. Выдрин Е.В. К вопросу о численности крещеных инородцев в Туруханском крае в 1845–1872 гг. // Енисейский Север: история и современность. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 91–96.
63. Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998.
64. Пospelов И.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М., 2000.
65. Географический энциклопедический словарь. Географические названия. 3-е изд. М., 2003.
66. Резун Д.Я., Хромых А.С. Туруханск // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. III. С. 320.
67. Николаев А.А. Туруханский край // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. III. С. 321.
68. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири.
69. Шанин В.Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг. Красноярск, 2011.
70. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010.
71. Туруханский край в аренду // <http://www.krasplace.ru/biblioteka>
72. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб., 1863.
73. Резун Д.Я. Березово // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. I. С. 195–196.
74. Резун Д.Я., Зиновьев В.П. Нарым // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 80.
75. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половине XIX вв. Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1992.
76. Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск, 1999.
77. Записки Василия Семеновича Хвостова // Русский архив. М., 1870. № 3. С. 553–610.
78. Ноздрин Г.А. Сидоров Михаил Константинович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2012. Т. 2. С. 261.
79. Краткий отчет г. Лопатина о занятиях членов Туруханской экспедиции // Отчет о действиях Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1866 год. СПб., 1867. С. 2–8.
80. Проект купца Сидорова о заселении севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск, 1864.